

DOI 10.31250/2618-8619-2026-1(31)-123-134

УДК 24-175

Мерген Санджиевич Уланов

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
Элиста, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-6749-7424
E-mail: ulanov1974@mail.ru

Священная Шамбала на севере: религиозно-политическая реконфигурация образа России в калмыцкой буддийской мысли*

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется феномен религиозно-политической реконфигурации образа Российской империи в калмыцкой буддийской мысли на рубеже XIX–XX вв. Центральное внимание уделено труду выдающегося калмыцкого ламы, врача и разведчика Дамбо Ульянова «Предсказания Будды о доме Романовых и краткий очерк моих путешествий в Тибет в 1904–1905 гг.» (1913), в котором впервые была предпринята системная попытка теологической легитимации российской династии в рамках буддийской эсхатологии и космологии. Автор аргументирует, что интерпретация России как северной Шамбалы, Санкт-Петербурга как мифического города Калапы, а династии Романовых как воплощения древнего пророчества о двух братьях являлась не маргинальной фантазией, а осознанной стратегией адаптации буддийской традиции к имперскому контексту. Эта реконфигурация позволяла сохранить институциональную устойчивость буддизма, укрепить его символический капитал и утвердить российского монарха в статусе дхармического правителя — защитника Дхармы. Особое внимание уделяется гипотезе Ульянова, согласно которой многоконфессиональная природа империи интерпретировалась как признак ее «шамбальской сущности», поскольку в буддийской традиции Шамбала также представляется как гармоничное сообщество разных религий, объединенных общей этической основой. Идея северной Шамбалы является не мифологической фантазией, а сложной концептуальной конструкцией, в которой политическая реальность переосмысливается через призму буддийской эсхатологии. Статья демонстрирует, что буддийские элиты выступали не пассивными объектами, а активными акторами исторического процесса, творчески переосмысливая сакральное пространство буддизма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: буддизм, калмыки, Российская империя, Романовы, Дамбо Ульянов, Шамбала, эсхатология

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Уланов М. С. Священная Шамбала на севере: религиозно-политическая реконфигурация образа России в калмыцкой буддийской мысли. *Кунсткамера*. 2026. 1 (31): 123–134. DOI: 10.31250/2618-8619-2026-1(31)-123-134

* Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России «Комплексное философское исследование феномена будущего в традиционной буддийской картине мира» (FZSN-2025-0004, регистрационный номер 125121914670-7) для ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова», соглашение № 075-03-2026-375.

Mergen Ulanov

Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov
Elista, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-6749-7424
E-mail: ulanov1974@mail.ru

Sacred Shambhala in the North: Religio-Political Reconfiguration of the Image of Russia in Kalmyk Buddhist Thought*

ABSTRACT. This article examines the phenomenon of the religious and political reconfiguration of the image of the Russian Empire in Kalmyk Buddhist thought at the turn of the 20th century. Focus is placed on the work of the prominent Kalmyk lama, physician, and intelligence officer Dambo Ulyanov, “Buddha’s Prophecies about the House of Romanov and a Brief Essay on My Travels to Tibet in 1904–1905” (1913), which for the first time systematically attempted to theologially legitimize the Russian dynasty within the framework of Buddhist eschatology and cosmology. The author argues that the interpretation of Russia as “Northern Shambhala”, St. Petersburg as the mythical city of Kalapa, and the Romanov dynasty as the embodiment of the ancient prophecy of two brothers was not a marginal fantasy, but a conscious strategy for adapting the Buddhist tradition to the imperial context. This reconfiguration preserved Buddhism’s institutional stability, strengthened its symbolic capital, and affirmed the Russian monarch’s status as a Dharmic ruler — a protector of the Dharma. Particular attention is paid to Ulyanov’s hypothesis, according to which the empire’s multi-confessional nature was interpreted as a sign of its “Shambhala essence”, since in the Buddhist tradition, Shambhala is also represented as a harmonious community of different religions united by a common ethical foundation. The idea of “Northern Shambhala” is not a mythological fantasy, but a complex conceptual construct in which political reality is reinterpreted through the prism of Buddhist eschatology. The article demonstrates that Buddhist elites were not passive objects, but active actors in the historical process, creatively reimagining the sacred space of Buddhism.

KEY WORDS: Buddhism, Kalmyks, Russian Empire, Romanovs, Dambo Ulyanov, Shambhala, eschatology

FOR CITATION: Ulanov M. Sacred Shambhala in the North: Religio-Political Reconfiguration of the Image of Russia in Kalmyk Buddhist Thought. *Kunstkamera*. 2026. 1 (31): 123–134. (In Russian). DOI: 10.31250/2618-8619-2026-1(31)-123-134

* The work was performed within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation “Comprehensive Philosophical study of the phenomenon of the Future in the Traditional Buddhist worldview” (FZSN-2025-0004, registration number 125121914670-7) for the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov”, agreement No. 075-03-2026-375.

ВВЕДЕНИЕ

История буддизма в Российской империи традиционно рассматривается прежде всего в русле конфессиональной политики государства — через призму институционализации и регулирования (Сафронова 1998; Цыремпилов 2013; Уланов и др. 2019). Между тем внутренняя динамика буддийской традиции — ее идеологические концептуальные трансформации под воздействием имперского влияния — нуждается в более тщательном исследовании. Если феномен религиозной легитимации имперской власти со стороны бурятской буддийской элиты рассмотрен в ряде работ (Фролова 2004; Цыремпилов 2020; 2023), то процесс включения представителей российской монархии в рамки буддийской сакральной космологии и эсхатологии со стороны калмыцкого духовенства изучен пока недостаточно.

Данный пробел объясняется отчасти длительным доминированием в отечественной историографии (особенно первой половины XX в.) парадигмы «колониального угнетения», согласно которой все формы взаимодействия коренных народов с имперской администрацией интерпретируются как вынужденные (подробнее см.: Гафаров, Галеева 2018).

В зарубежной академической литературе по истории Российской империи проблема взаимоотношения государства с национальными провинциями во многом обсуждается с позиции колониального подхода. Так, еще в ранний период холодной войны американский советолог Вальтер Коларц в своем труде “Russia and Her Colonies” (Kolartz 1953) квалифицировал в качестве колоний все этнически нерусские территории СССР. В свою очередь, американский историк М. Ходарковский в конце 1990-х гг. аргументировал тезис о принципиально колониальном характере континентальной экспансии Российской империи (Khodarkovsky 1999). Подобный подход хорошо вписывается в рамки постколониального дискурса.

Однако такая концептуализация вызвала критику, в частности, со стороны Ж. П. ЛеДонна, указавшего на принципиальные различия между российской имперской моделью и классическим (в первую очередь морским и коммерциалистским) колониализмом Запада по отношению к странам третьего мира (LeDonne 2002: 765).

На наш взгляд, изучая отношения между Российским государством и буддийской общиной, важно отойти от упрощенных схем, где буддисты воспринимаются лишь как пассивные объекты государственной колониальной политики. Гораздо продуктивнее рассматривать их как активных участников исторического процесса — акторов, способных по-своему осмысливать внешние вызовы, опираясь на собственные духовные традиции и мировоззрение.

Настоящая статья посвящена религиозно-политической реконфигурации образа России в калмыцкой буддийской мысли. Мы обращаемся к яркому, но дискуссионному примеру подобной деятельности российских буддистов — труду калмыцкого ламы Дамбо Ульянова (1844–1919) «Предсказания Будды о доме Романовых и краткий очерк моих путешествий в Тибет в 1904–1905 гг.», опубликованному в 1913 г. и посвященному пророчествам Будды о Романовых (Ульянов 1913). Источник представляет значительный интерес в силу того, что это единственный известный на сегодняшний день текст, в котором предпринята системная попытка теологической легитимации российской династии в рамках традиционной буддийской картины мира.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ В БУДДИЙСКОМ НАРРАТИВЕ КАЛМЫЦКОЙ И БУРЯТСКОЙ САНГХИ

Как известно, ойрат-калмыки, придя на Волгу, смогли сформировать свою государственность — Калмыцкое ханство в составе Российской империи. В его рамках динамика статуса и функций буддийской сангхи (церкви) находилась в прямой зависимости от степени централизации и устойчивости светской власти. В период доминирования сильной ханской власти сангха выполняла преимущественно вспомогательную, легитимирующую функцию, укрепляя идеологиче-

скую основу правления. Напротив, в контексте ослабления центральной власти сангха проявляла значительную политическую активность, стремясь транслировать и реализовывать социально-политические принципы буддийской доктрины (Курапов 2007: 212).

Ключевой перелом в положении буддийской институции произошел после массового исхода калмыков в Джунгарию в 1771 г., в ходе которого большая часть буддийского духовенства покинула территорию Нижнего Поволжья, а Калмыцкое ханство было ликвидировано.

При этом политика правительства России в отношении буддизма оставалась довольно толерантной. Отношение российских властей к буддизму характеризовалось «расчетливой терпимостью» — политикой, направленной не на ликвидацию, а на институциональную интеграцию буддийской традиции в имперскую административную систему. Хотя в XIX в. для буддийских общин Калмыкии и Забайкалья были введены определенные ограничения, их основная функция заключалась не в ослаблении буддизма как такового, а в его регуляции с целью обеспечения имперского контроля. Государство не стремилось к ликвидации буддийской иерархии; напротив, оно ее сохраняло и поддерживало при условии политической лояльности ее представителей. В целом, «несмотря на все ограничения, на практике они не имели значительного эффекта, ламы и монастыри продолжали успешно функционировать, приспособившись к новым требованиям» (Ванчикова 2023: 106).

Примечательно, что царская администрация зачастую осознанно поступалась миссионерскими задачами православной церкви ради сохранения политической стабильности в периферийных регионах (Ламаизм в Бурятии... 1983). Таким образом, поддержка буддийской институции нередко вступала в конфликт с официальной идеологией христианизации. В результате в Калмыкии и Забайкалье сложилась уникальная модель религиозного управления: буддизм не только сохранился в условиях имперского доминирования, но и трансформировался в институт партнерского взаимодействия между государственной властью и буддийскими общинами.

Подобная политика обусловила специфическую интерпретацию российской власти в культурной памяти буддийских этносов. Вместо образа угнетателя русский монарх фигурирует в местных источниках — исторических хрониках, поэтических преданиях и ритуальных текстах — как сакральная фигура, осуществляющая буддийскую миссию. Так, в одной из бурятских летописей содержится формула: «Да будет нам сопутствовать удача в условиях широкого распространения учения Будды под покровительством Белого царя» (Бурятские летописи 1995: 133).

Особое значение в контексте институционализации этой лояльности имеет официальная молитва за здоровье императора Александра III, составленная в 1880-х гг. Бандидо Хамбо-ламой Данзилом Гомбоевым — главой буддийского духовенства Восточной Сибири (Буддийская молитва за царя... 1890). Данный текст регулярно зачитывался в дацанах Забайкалья в течение нескольких десятилетий, являясь не просто актом подчинения, но ритуализованным подтверждением легитимности имперской власти в буддийской символической системе.

Символика титула «Белый царь», утвердившегося в бурятско-монгольской традиции, также подлежит интерпретации в рамках буддийского религиозного кода. В буддийской иконографии богиня Белая Тара олицетворяет сострадание, долголетие и благополучие. В XVIII в., в период покровительства буддизму со стороны императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II, они интерпретировались как земные проявления этой богини. Таким образом, политическая прагматика империи трансформировалась в религиозный нарратив, который, в свою очередь, обеспечивал устойчивую сакральную легитимацию государственной власти в глазах буддийского населения.

Аналогичный образ российского монарха как покровителя буддизма и справедливого правителя был характерен и для калмыцкой традиции, особенно в конце XIX — начале XX в. В условиях постепенной интеграции Калмыцкой степи в имперскую административную систему местное духовенство воспринимало царя не как чуждого завоевателя, а как правителя, защищающего Дхарму (учение Будды) и поддерживающего благополучие буддийской общины.

Этот взгляд нашел отражение в исторических фактах. Так, в 1913 г. на праздновании 300-летия дома Романовых в Санкт-Петербурге присутствовали делегации астраханских и донских калмыков, причем делегацию донских калмыков-казаков возглавлял их верховный лама М. Борманжинов. В Калмыцкой степи к 300-летию династии Романовых отношение к императорской власти выразилось в публичных религиозных актах, свидетельствовавших о высокой степени легитимации монарха в буддийской традиции. В хурулах по всей Калмыкии в ходе торжественных молебнов звучали молитвы о здравии, благополучии и долголетьи Его Императорского Величества (Лиджиева 2015: 25). Эти молитвы были не просто данью формальному подданчеству: они отражали устойчивый нарратив, в рамках которого российская власть воспринималась как гарант сохранения буддийской идентичности.

Подчеркивая лояльность «Белому царю», калмыцкие буддисты одновременно утверждали собственную религиозную идентичность — теперь уже в рамках имперского порядка. Таким образом, идея «Белого царя» выступала не просто как политический лозунг, а как элемент адаптивной стратегии сохранения буддийской традиции в условиях модернизирующегося Российского государства.

В этих обстоятельствах некоторые представители калмыцкой сангхи не ограничивались ритуальным почитанием монарха как дхармического правителя, переходя к его сакральной гиперболизации — вплоть до приписывания царской династии божественного статуса. Наиболее последовательно эта тенденция выражена в труде ламы Дамбо Ульянова «Предсказания Будды о доме Романовых и краткий очерк моих путешествий в Тибет в 1904–1905 гг.» (Ульянов 1913).

В этом сочинении он предпринимает попытку интегрировать династию Романовых в буддийскую эсхатологическую традицию, интерпретируя исторические события сквозь призму пророчеств, содержащихся в буддийских текстах.

ДАМБО УЛЬЯНОВ КАК СВЯЩЕННИК, ВРАЧ И РАЗВЕДЧИК

Ульянов, служивший ламой в Эркетеневском хуруле донских калмыков-казаков (область Войска Донского), был выдающимся представителем калмыцкой интеллектуальной элиты рубежа XIX–XX вв. Его деятельность охватывала несколько сфер — буддийское богословие, тибетскую медицину, переводческое дело и разведывательную деятельность. Благодаря сочетанию религиозного авторитета, медицинской эрудиции и лояльности Российской империи он стал ключевой фигурой в истории российско-тибетских связей начала XX в.

Главный герой получил традиционное буддийское образование в Эркетеневском хуруле (храме), а впоследствии был рукоположен в сан гелюнга (монашеский чин, соответствующий сану бхикшу) и признан багшой — ученым-наставником, знатоком буддийской философии. Его репутация как целителя (эмчи) вышла за рамки калмыцких общин: о его врачебных способностях ходили легенды среди не только буддистов, но и русского населения Донского края. В 1902 г. в Санкт-Петербурге он опубликовал переводы фрагментов тибетских медицинских трактатов — глав из «Дже-ду-нинг-нор» и «Хлан-таб», посвященных лечению чумы, холеры и проказы. Это издание стало одним из первых в России, системно представляющих принципы тибетской медицины (Перевод... 1902).

Деятельность Ульянова пересеклась с государственными интересами Российской империи в контексте «Большой игры» — соперничества России с Британской империей за влияние в Центральной Азии. В связи с англо-тибетским конфликтом 1903–1904 гг. и оккупацией Лхасы британскими войсками под командованием Ф. Янгхазбенда российские власти стремились получить достоверную информацию из первых рук о политической, религиозной и военной обстановке в Тибете. Поскольку прямые дипломатические контакты с Тибетом были затруднены, а русские разведчики неминуемо привлекали внимание, была избрана стратегия «паломнической маскировки» (Андреев 2006: 123–124).

В январе 1904 г. по личному распоряжению императора Николая II и инициативе военного министра А. Н. Куропаткина было решено организовать секретную экспедицию в Тибет, в состав которой вошли подъяесаул Н. Э. Уланов и лама Д. Ульянов (Дмитриев 2018). Тогда же по инициативе князя Э. Э. Ухтомского, близкого советника государя, участников миссии лично представили императору, который дал экспедиции свое высочайшее благословение. Кроме того, к ним присоединились пять добровольцев из донских калмыцких станиц (Бичеев 2014: 9).

Экспедиция отправилась из станицы Великокняжеской 6 февраля 1904 г. Преодолев путь через Среднюю Азию и Синьцзян, группа столкнулась с тяжелыми испытаниями в горах Тянь-Шаня, в результате которых ее руководитель Уланов скончался в мае 1904 г. Кроме того, двое участников миссии решили вернуться домой. В этих условиях руководство взял на себя Ульянов, который, несмотря на трудности, привел оставшуюся группу в Лхасу 2 мая 1905 г. (Бичеев 2014: 9).

Пребывание в Тибете (май–июль 1905 г.) стало кульминацией миссии. Благодаря глубокому знанию буддийских текстов, ритуалов и тибетского языка он был принят тибетскими властями не как простой паломник, а как хубилган¹, что открыло доступ к высшим кругам — в частности, к регенту Галдан Тива Ринпоче, временно управлявшему страной в отсутствие Далай-ламы XIII, укrywшегося в Монголии (Бичеев 2014: 9). В ходе встреч Ульянов получил сведения о внутренней политике, военных силах, деятельности британской агентуры и настроениях духовенства.

Параллельно он реализовал самостоятельную просветительско-пропагандистскую кампанию, направленную на формирование благоприятного образа Российской империи в глазах тибетской политической и религиозной элиты. В отсутствие четких директив из Санкт-Петербурга и с учетом сложившейся в Тибете конфузии в вопросах идентификации внешних акторов (например, частого отождествления русских с англичанами) им подготовлен и тиражирован (в нескольких тысячах экземпляров в лхасской монастырской типографии) текст под названием «Посол истинной мудрости, разыскивающий северную Шамбалу в четырех странах света» (Андреев 2006: 149).

Он представлял собой адаптированный перевод фрагмента «крестного календаря» 1904 г. — популярного в России религиозно-патриотического издания, — дополненный интерпретацией в русле тибето-буддийской эсхатологии. Центральной идеей выступало отождествление Российского государства с северной Шамбалой — мифологической державой, упоминаемой в пророчествах тантрической традиции Калачакра, где должен появиться священный правитель, дабы положить начало новому расцвету Дхармы Будды (Андреев 2006: 149). Такая стратегия позволяла транслировать геополитические цели империи через образы и символику, приемлемые для тибетской интеллектуальной традиции.

Кроме того, в докладной записке, представленной регенту Тибета Галдан Тива Ринпоче, Ульянов выдвинул гипотезу о реинкарнационной связи императорских династий России и Китая: согласно его интерпретации, основатель династии Романовых Михаил Федорович и император Нурхацци, основавший династию Цин, в предыдущем воплощении являлись братьями-купцами в Тибете. Несмотря на спекулятивный характер тезиса, он имел четкую политическую функцию: обоснование концепции российско-китайского союза как естественного противника британскому влиянию (Андреев 2006: 149–150).

Таким образом, деятельность Дамбо Ульянова и его соратников следует рассматривать как пример неформального дипломатического посредничества, осуществленного представителями буддийского духовенства Российской империи. Эта инициатива, сочетавшая элементы религиозной апологетики и культурной дипломатии, демонстрирует использование религиозно-мифологического дискурса в целях геополитической легитимации и может быть квалифицирована как ранний случай применения «мягкой силы» в российской внешней политике по отношению к регионам Центральной Азии.

¹ Хубилган (*тиб.* тулку) — наименование в монгольском буддизме высших представителей духовенства, которые признаны земным воплощением буддийских божеств или наиболее почитавшихся в прошлом проповедников.

Вернувшись в Россию в феврале 1906 г., он лично доложил о результатах миссии в Петербурге. Его информация, зашифрованная в путевом дневнике на калмыцкой письменности *тодо бичиг* (созданной на основе классического монгольского алфавита), была высоко оценена в Министерстве иностранных дел, Военном министерстве и легла в основу дальнейших дипломатических действий России, направленных на стабилизацию ситуации в Тибете. В частности, она способствовала заключению Англо-российского соглашения 1907 г., по которому Великобритания и Россия признали сюзеренитет Китая над Тибетом и обязались вести дела с Лхасой через Пекин — тем самым ограничивая прямую британскую экспансию (Федоров 2022).

В 1913 г., незадолго до своей смерти, Ульянов издал в Санкт-Петербурге книгу «Предсказание Будды о доме Романовых и краткий очерк о моих путешествиях в 1904–1905 годах» (Ульянов 1913). Этот труд представляет собой ценный историко-этнографический источник, содержащий детали маршрута, описания быта тибетцев, встреч с духовными лицами и размышлений о судьбе калмыков в Китае. Автор интерпретирует события миссии через призму буддийской пророческой традиции, отождествляя себя и Уланова с героями текстов-предсказаний великого буддийского деятеля Тибета Бадма Джюнгне (Падмасамбхавы), жившего в VIII в., и видя в их путешествии исполнение его древних предсказаний (см.: Жизнеописание Падмасамбхавы 2003). Автор отмечает, что нашел данные предсказания в 22-й главе сочинения Падмасамбхавы «Хларэ Гатанг» (Ульянов 1913: 52).

Книга, опубликованная к 300-летию дома Романовых и посвященная императору Николаю II, стала кульминацией многолетних размышлений калмыцкого мыслителя.

Таким образом, Дамбо Ульянов был не просто паломником или переводчиком, а уникальной фигурой, проявившей себя в разных областях: религии, разведке и государственной политике. Его деятельность способствовала укреплению российских позиций в Центральной Азии, обогатила отечественное востоковедение и подтвердила роль, которую играет калмыцкий народ, выступая культурным мостом между Россией и буддийским миром.

ГИПОТЕЗА О ПРОИСХОЖДЕНИИ РОДА РОМАНОВЫХ И МИССИИ РОССИИ КАК ШАМБАЛЫ

Центральная гипотеза труда Ульянова «Предсказание Будды о доме Романовых и краткий очерк о моих путешествиях в 1904–1905 годах»: Россия — северная Шамбала, эзотерический центр будущего золотого века, а род Романовых — воплощение древнего буддийского пророчества о двух братьях, предопределенных к царствованию.

Автор осуществляет сакрализацию геополитического пространства России через буддийскую символику, идентифицируя Шамбалу с Российской империей, а ее центр, город Калапа (Галава), — с Санкт-Петербургом (Ульянов 1913: 92–93).

Основной сюжет — анализ буддийских пророчеств о двух братьях-торговцах Гагуне и Занбо, которые в одной из жизней преподнесли Будде Шакьямуни священную трапезу и за это получили благословение на царствование в будущем. История о двух братьях-торговцах Тапуссе и Бхаллике содержится в сутре «Лалитавистара», в которой описываются 12 деяний Будды Шакьямуни².

Согласно этим пророчествам, отмечает Ульянов, старший брат Гагун в лице Бронг-зи-Джюмба явился основателем династии Романовых — царем Михаил Федорович, а младший, Замбо, в лице Нурхацы стал правителем Китайской империи и основателем маньчжурской династии Цин (Ульянов 1913: 86). Таким образом, династия Романовых рассматривается не как случайная историческая линия, а как божественно предопределенная сакральная преемственность, восходящая к благословию Будды.

² The Noble Great Vehicle Sūtra “The Play in Full” Āryalalitavistarānāmamahāyānasūtra // Aryanthought. URL: <https://aryanthought.wordpress.com/wp-content/uploads/2014/05/lalitavistara-sutra.pdf> (дата обращения: 15.11.2025).

Отождествляя Россию с Шамбалой, Ульянов наделяет ее особой миссией. В «Калачакра-тантре», важнейшем тантрическом тексте тибетского буддизма, Шамбала рассматривается как реальное, хотя и недоступное царство, расположенное где-то на севере от Индии. Отмечается, что в ней хранится учение «Калачакры» и оттуда в конце Кали-юги (эпохи раздора) выйдет царь-чакравартин, чтобы одержать победу над «варварскими» силами и установить золотой век. В «Калачакра-тантре» Шамбала предстает как царство, правители которого — 25 царей из династии Калкин — поочередно берут бразды правления в эпоху Кали-юги. Согласно древнему пророчеству, накопленная человечеством карма — порожденная жадностью, злобой и духовной слепотой — неизбежно приведет к грандиозной битве добра и зла. Тогда последний из Калкинов, являющийся воплощением бодхисатвы Манджушри, возглавит могучее воинство Шамбалы и одержит окончательную победу над силами тьмы.

Духовный лидер тибетских буддистов Далай-лама XIV и другие буддийские ученые, основываясь на традиционных текстах, подтверждают онтологическую реальность Шамбалы, однако с существенной оговоркой: Шамбала не принадлежит к физическому, чувственно воспринимаемому уровню бытия, в отличие, например, от географически локализуемых объектов. Ее пространственное положение не поддается определению в рамках обычных координат и не может быть обнаружено с помощью эмпирических методов. Согласно традиционному буддийскому учению, Шамбала существует в тонком измерении реальности — сфере, доступной лишь при определенном уровне духовной и кармической зрелости. Вход в нее ограничен и возможен исключительно при наличии благих кармических заслуг, накопленных в достаточном количестве, что делает достижение Шамбалы недоступным для подавляющего большинства индивидов (Монгуш 2014: 160).

Таким образом, отождествление России с Шамбалой является «радикальной интерпретацией» традиционной доктрины. В классических комментариях Шамбала — изолированное царство.

Особое внимание Ульянов уделяет последнему, 25-му правителю Шамбалы, которого он называет Ракпо-Корло-Джану. При этом в традиционных буддийских текстах у 25-го царя Шамбалы другое имя — Кулик Рудра-чакрин (*тиб.* Ригдэн Джапо). Этого правителя автор идентифицирует с фигурой Николая II. Будучи связанным с северным направлением, он должен прежде всего преуспевать в делах властно-суровых, пишет Ульянов (1913: 96–97). По его мнению, после издания нового закона (Манифеста 1905 г.) наступит век «мира и тишины» (720 лет), затем — эпохи «расширения и размножения» (540 лет), «личного начала и властолюбия» (360 лет) и, наконец, период «суровых подвигов и грозных действий» (180 лет) — итого 1800 лет «шамбальского царствования» (Ульянов 1913: 101).

Интересно, что в этом же году в Санкт-Петербурге прошла первая служба в буддийском храме, который посвящался божеству Калачакре, связанному с Калачакра-тантрой. Учитывая, что тантра Калачакры традиционно соотносится с учением о Шамбале, у Ульянова были аргументы, чтобы связать Россию с Шамбалой. Существуют сведения, что известный буддийский деятель Агван Доржиев, по инициативе которого и был возведен петербургский буддийский храм, также говорил о символической связи Российской империи с царством Шамбалы, а в династии Романовых видел потомков правителей Шамбалы (Берзин 2003).

В целом смелая гипотеза Дамбо Ульянова — это уникальная буддийская версия русского мессианизма, в которой можно усмотреть:

- 1) политический миф — легитимизацию русской монархической династии через буддийские предания;
- 2) геосакральную проекцию — включение Российского государства в буддийское геосакральное пространство;
- 3) эсхатологическую программу — понимание России как священной северной Шамбалы в эпоху Кали-юги.

Важно, что он избегает прямого синкретизма: не называет Романовых буддистами и не пытается совместить буддийские и православные догматы. Он работает на уровне функций: русский царь де-факто играет роль «чакравартина» (царя — защитника и покровителя Дхармы).

Ульянов фактически утверждает, что универсализм Российской империи (ее многонациональность, многоконфессиональность) не является проблемой, так как истинная Дхарма проявляется в гармонии. Интересно, что современные буддисты также подчеркивают многоконфессиональный состав Шамбалы, ее терпимость к разным религиозным традициям. Так, А. Берзин отмечает, что первый правитель Шамбалы в условиях угрозы внешнего вторжения инициировал ритуал посвящения в Калачакру как акт духовной консолидации своего многоконфессионального народа. Посредством включения представителей всех каст и религий в единую мандалу Калачакры он учредил символический статус «ваджрных братьев и сестер», не требуя смены конфессиональной идентичности, но призывая к возвращению к подлинным моральным принципам собственных традиций (Берзин 2002). Таким образом, посвящение Калачакры выступило инструментом не религиозной унификации, а межконфессионального согласия на основе общей этической ответственности — стратегии, актуальной в контексте современных дискуссий о межрелигиозном диалоге и толерантности.

Такая трактовка, безусловно, отражает имперскую идеологию единства в многообразии, но перекодирует ее в буддийские термины. Шамбала у Ульянова — активный центр трансформации мира. Россия, следовательно, не периферия буддийского мира, а его эсхатологическое ядро.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, буддийские элиты на окраинах империи не ограничивались каноническими представлениями, а пытались творчески переосмыслить карту сакрального пространства.

Анализ деятельности Ульянова и его сочинения подтверждает необходимость корректировки доминирующей в историографии модели пассивного подчинения буддийских сообществ имперской политике. На примере калмыцкой сангхи продемонстрирована устойчивая и осознанная стратегия религиозной легитимации снизу — когда представители буддийской элиты инициируют идеологические конструкции, вписывающие имперскую власть в сакральную географию и космологию собственной традиции. Такая легитимация — от ритуальных молитв за здоровье монарха до эсхатологических трактатов — не была формальным ритуалом покорности; она являлась актом переосмысления имперского порядка, в результате которого российский царь трансформировался из внешнего правителя в участника буддийской космополитической драматургии — дхармического правителя.

Труд Ульянова нельзя свести к простой буддийской пропаганде или синкретизму: он последовательно избегает догматического смешения православия и буддизма, сохраняя доктринальную автономию последнего. Вместо этого он признает, что русский царь, не являясь буддистом по исповеданию, по своей миссии играет роль, предначертанную буддийской эсхатологией, — защитника Дхармы в эпоху упадка. Этот ход позволяет не только оправдать сосуществование в России нескольких религий, но и превратить многоконфессиональность Российской империи в доказательство ее «шамбальской природы», ибо, согласно традиционным представлениям, в Шамбале сохраняется религиозное многообразие с опорой на общие этические ценности. Таким образом, идея северной Шамбалы оказывается не мифологической фантазией, а сложной концептуальной конструкцией, в которой политическая реальность империи переосмыляется через призму буддийской эсхатологии.

Идентификация России как Шамбалы, Санкт-Петербурга как Калапы представляет собой акт переформатирования сакрального пространства буддизма, в ходе которого периферийное (с точки зрения буддийского мира) пространство возводится в ранг эсхатологического центра. Это означает, что буддийские интеллектуалы в Российской империи не ограничивались репродукцией тра-

диционных образов буддизма (в частности, Шамбалы), но креативно переосмыслили традиционное сакральное пространство.

Таким образом, фигура Дамбо Ульянова и его сочинение представляют собой не маргинальный казус, а показательный случай интеллектуальной активности буддийской элиты, способной вырабатывать оригинальные идеологические концепции на стыке традиции и современности, эсхатологии и геополитики, религии и дипломатии. Его труд — это свидетельство творческого включения Российской империи в буддийский эсхатологический и космологический дискурс. Изучение подобных фактов истории открывает возможность для более глубокого понимания феномена российского буддизма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; Нартанг, 2006. 464 с.

Берзин А. Ошибочные западные мифы о Шамбале // Электронная библиотека Booksafe.Net. 2003. URL: https://booksafe.net/read/berzin_aleksandr-oshibochnye_zapadnye_mify_o_shambale-171426.html (дата обращения: 15.11.2025).

Берзин А. Принятие посвящения Калачакры / пер. с англ. М. Кожевникова. СПб.: Нартанг, 2002. 336 с.

Бичеев Б. А. Предисловие // От Волги до Лхасы: Путешествие Дамбо Ульянова и Нарана Уланова в Тибет / сост. Б. А. Бичеев. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 7–11.

Буддийская молитва за царя, установленная в память о чудесном спасении Их Величеств в день 17-го октября 1888 года // Исторический вестник. 1890. № 1. С. 221–222.

Бурятские летописи / сост.: Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ: Бурятский ин-т общ. наук, 1995. 199 с.

Ванчикова Ц. П. Буддийская конфессия в Российской империи во второй половине XIX в. // Монголоведение. 2023. Т. 15, № 1. С. 95–114.

Гафаров А. А., Галеева М. А. Проблемы российского колониализма и антиколониального движения в отечественной научной литературе (вторая половина XIX — XX в.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2018. Вып. 3. С. 17–27.

Дмитриев С. В. Экспедиция подьесаула Н. Э. Уланова и ламы Дамбо Ульянова в Центральную Азию // Кюнеровский сборник: материалы восточноазиатских и юго-восточноазиатских исследований: этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение, 2011–2012 гг. / отв. ред. Е. В. Иванова. СПб.: МАЭ РАН, 2013. Вып. 7: Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение. С. 48–57.

Курапов А. А. Буддизм и власть в Калмыцком ханстве XVII–XVIII вв. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 248 с.

Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XX в. Структура и социальная роль культовой системы / Г. Р. Галданова, К. М. Герасимова, Д. Б. Дашиев, Г. Ц. Митупов; отв. ред. В. В. Мантатов. Новосибирск: Наука, 1983. 236 с.

Лиджиева И. В. Социальная политика местного самоуправления в Калмыцкой степи в контексте празднования 300-летия Дома // Ежегодные научные чтения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН — V, Элиста, 17 декабря 2015 г. / сост. Н. М. Мулаева; ред. Э. П. Бакаева, В. В. Куканова, И. В. Лиджиева, Э. У. Омакаева. Элиста: Калмыцкий ин-т гуманит. исследований РАН, 2015. С. 23–27. URL: <http://kigiran.com/sites/default/files/tezisy-2015.pdf> (дата обращения: 06.02.2026).

Монгуш М. В. Таинственная Шамбала: реальность без вымысла // Новые исследования Тувы: электронный журнал. 2014. № 2. С. 158–167. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tainstvennaya-shambala-realnost-bez-vymysla/viewer> (дата обращения: 06.02.2026).

Перевод из тибетских медицинских сочинений Дже-ду-нинг-нор, гл. 91 и Хлан-таб, гл. 30 / пер. и предисл. штатного гелюна Дамбо Ульянова. СПб.: Паровая скоропеч. «Восток» М. М. Гутзац, 1902. 25 с.

Рожденный из лотоса. Жизнеописание Падмасамбхавы / сост. Еше Цогял. СПб.: Уддияна, 2003. 336 с.

Сафронова Е. С. Буддизм в России. М.: РАГС, 1998. 171 с.

Уланов М. С., Бадмаев В. Н., Андреева А. А. Буддийские общины Забайкалья и Нижнего Поволжья в конфессиональной политике Российской империи // Былые годы (Bylye Gody). 2019. Vol. 54, is. 4. С. 1451–1458.

Ульянов Д. Предсказания Будды о доме Романовых и краткий очерк моих путешествий в Тибет в 1904–1905 гг. СПб.: Центр. типо-лит., 1913. 118 с.

- Федоров Б. Калмыки-разведчики Российского государства // Хальмг үнн (Калмыцкая правда). 2022. 17 мая. URL: <http://halmgynn.ru/13425-kalmyki-razvedchiki-rossiyskogo-gosudarstva.html> (дата обращения: 15.11.2025).
- Фролова Г. Д. «Богдо-наследник Николай» в хвалебных песнях бурят // Восточная коллекция. 2004. № 4 (19). С. 29–33.
- Цыремпилов Н. В. Буддизм и империя. Бурятская община в России (XVIII — начало XX в.) / отв. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2013. 338 с.
- Цыремпилов Н. В. Москва как буддийский рай: бурятская депутация на коронации Николая II // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 12–31.
- Цыремпилов Н. В. Екатерина II как воплощение Белой Тары: обожествляли ли буряты Романовых? // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16, № 5. С. 1099–1114.
- Kolartz W. *Russia and Her Colonies*. New York: Frederick A. Praeger, 1953. 334 p.
- Khodarkovsky M. Of Christianity, Enlightenment, and Colonialism: Russia in the North Caucasus, 1550–1800 // *The Journal of Modern History*. 1999. Vol. 71, no. 2. P. 394–430.
- LeDonne J. P. Michael Khodarkovsky, Russia's Steppe Frontier // *Cahiers du monde russe*. 2002. Vol. 43, no. 4. P. 763–765.

REFERENCES

- Andreev A. I. *Tibet v politike tsarskoy, sovetskoy i postsovetskoy Rossii* [Tibet in the politics of tsarist, soviet, and post-soviet Russia]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Publ.; Nartang Publ., 2006, 464 p. (In Russian).
- Berzin A. *Prinyatie posvyashcheniya Kalachakry* [Receiving the Kalachakra initiation]. St. Petersburg: Nartang Publ., 2002, 336 p. (In Russian).
- Berzin A. [Erroneous Western myths about Shambhala]. *Elektronnaya biblioteka Bookscafe.net* [Bookscafe.net Electronic Library], 2003. Available at: https://bookscafe.net/read/berzin_aleksandr-oshibochnye_zapadnye_mify_o_shambale-171426.html (accessed 15.11.2025). (In Russian).
- Bicheev B. A. [Preface]. *Ot Volgi do Lkhasy: Puteshestvie Dambo Ul'yanova i Narana Ulanova v Tibet* [From the Volga to Lhasa: the journey of Dambo Ul'yanov and Naran Ulanov to Tibet]. Elista: Kalmytskiy institut gumanitarnykh issledovaniy RAN Publ., 2014, pp. 7–11. (In Russian).
- Buryatskie letopisi* [Buryat chronicles]. Ulan-Ude: Buryatskiy institut obshchestvennykh nauk Publ., 1995, 199 p. (In Russian).
- Dmitriev S. V. [The expedition of Cornet N. E. Ulanov and Lama Dambo Ul'yanov to Central Asia]. *Kyunerovskiy sbornik: materialy Vostochnoaziatskikh i Yugo-Vostochnoaziatskikh issledovaniy: etnografiya, fol'klor, iskusstvo, istoriya, arkheologiya, muzevedenie 2011–2012 gg.* [Kyuner collection: materials of East and Southeast Asian studies: ethnography, folklore, art, history, archaeology, and museology, 2011–2012]. St. Petersburg: Kunstkamera Publ., 2013, iss. 7, pp. 48–58. (In Russian).
- Fedorov B. [Kalmyk scouts of the Russian State]. *Khalmg ünn* (Kalmytskaya pravda) [Khalmg ünn (The Kalmyk truth)], 17 May 2022. Available at: <http://halmgynn.ru/13425-kalmyki-razvedchiki-rossiyskogo-gosudarstva.html> (accessed 15.11.2025). (In Russian).
- Frolova G. D. [“Bogda Heir Nicholas” in Buryat praise songs]. *Vostochnaya kolleksiya* [Oriental Collection], 2004, no. 4 (19), pp. 29–33. (In Russian).
- Gafarov A. A., Galeeva M. A. [Problems of Russian colonialism and anti-colonial movements in Russian scholarship (second half of the 19th–20th centuries)]. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Maykop State Technological University], 2018, no. 3, pp. 18–27. (In Russian).
- Khodarkovsky M. Of christianity, enlightenment, and colonialism: Russia in the North Caucasus, 1550–1800. *The Journal of Modern History*, 1999, vol. 71, no. 2, pp. 394–430. (In English).
- Kolartz W. *Russia and her colonies*. New York: Frederick A. Praeger, 1953, 334 p. (In English).
- Kurapov A. A. *Buddizm i vlast' v Kalmytskom khanstve XVII–XVIII vv.* [Buddhism and power in the Kalmyk khanate of the 17th–18th centuries]. Elista: Narodnoe Poligraficheskoe Predpriyatie “Dzhangar” Publ., 2007, 248 p. (In Russian).
- Lamaizm v Buryatii v XVIII – nachale XX vv. Struktura i sotsial'naya rol' kul'tovoy sistemy* [Lamaism in Buryatia in the 18th–Early 20th centuries: structure and social role of the cult system]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1983, 236 p. (In Russian).

LeDonne J. P. Michael Khodarkovsky, Russia's steppe frontier. *Cahiers du monde russe*, 2002, vol. 43, no. 4, pp. 763–765. (In English).

Lidzhiya I. V. [Social policy of local self-government in the Kalmyk steppe in the context of the 300th anniversary of the House of Romanov]. *Ezhegodnye nauchnye chteniya Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN — V, Elista, 17 dekabrya 2015 goda* [Annual scientific readings of the Kalmyk institute of humanities RAS — 5th, Elista, 17 December 2015]. Elista: Kalmytskiy institut gumanitarnykh issledovaniy RAN Publ., 2015, pp. 23–27. (In Russian).

Mongush M. V. [The mysterious Shambhala: reality without fiction]. *Novye issledovaniya Tuvy* [New Research of Tuva], 2014, no. 2, pp. 158–167. (In Russian).

Rozhdenny iz lotosa. Zhizneopisanie Padmasambhavy [Born from the lotus. The biography of Padmasambhava]. St. Petersburg: Uddiyana Publ., 2003, 336 p. (In Russian).

Safronova E. S. *Buddizm v Rossii* [Buddhism in Russia]. Moscow: Rossiyskaya akademiya gosudarstvennoy sluzhby Publ., 1998, 171 p. (In Russian).

Tsyrempilov N. V. *Buddizm i imperiya. Buryatskaya obshchina v Rossii (XVIII — nachalo XX veka)* [Buddhism and Empire: the Buryat community in Russia (18th–Early 20th Centuries)]. Ulan-Ude: Institut mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN Publ., 2013, 338 p. (In Russian).

Tsyrempilov N. V. [Moscow as a Buddhist Paradise: the Buryat delegation at the coronation of Nicholas II]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2020, no. 2, pp. 12–31. (In Russian).

Tsyrempilov N. V. [Catherine II as an embodiment of White Tara: did the Buryats deify the Romanovs?]. *Oriental Studies*, 2023, vol. 16, no. 5, pp. 1099–1114. (In Russian).

Ulanov M. S., Badmaev V. N., Andreeva A. A. [Buddhist communities of Transbaikalia and the Lower Volga in the confessional policy of the Russian Empire]. *Bylye gody* [The old days], 2019, no. 54 (4), pp. 1451–1458. (In Russian).

Vanchikova Ts. P. [The Buddhist confession in the Russian Empire in the second half of the 19th Century]. *Mongolovedenie* [Mongolian Studies], 2023, vol. 15, no. 1, pp. 95–114. (In Russian).

Submitted: 11.12.2025

Accepted: 03.02.2026

Published: 10.04.2026